

Мягкая мелодия доносится повсюду. Начало у нее плавное и мягкое, низкий гул, поднимающий пустоту сарая. Это мелодия ветра и природы, моря отлива, песчаных пляжей и восхода солнца. Жалко, что окружающая среда не учитывает это. Каждая вибрация, каждое покалывание смешивается с завывающим снаружи штормом. Натиск снега не прекращается.

В небольшой части убежища сидит мужчина, играющий на пианино. Его сиденье неуместно и явно не отрегулировано по высоте; он возвышается над инструментом, борясь с каждым нажатием клавиши. Сама картина странная: большой, похожий на гризли мужчина на металлическом стуле играет на полуразрушенном деревянном пианино. У него нет «фортепианных» рук, не тех, о которых говорят, что они открытые, расслабленные и подвижные. Однако он по-прежнему играет хорошо.

«Это совершенно не соответствует твоему образу», - говорит сторонний наблюдатель.

Ханнес хихикает. «Не ожидал, что будет такая хижина».

Ян Жун стоит с ящиком для инструментов в одной руке и карабином в другой. Он садится, скрестив ноги, и кладет на пол всевозможные вещи - щетки, растворители, пятна для чистки. Он небрежно говорит: «Наверное, закупили несколько десятилетий назад. Никто больше не заботится о том, чтобы их производить».

- Значит, антиквариат, - присвистывает Ханнес. «Думаешь, он будет продаваться?»

«Какому-то богатому парню из города». Ян Жун бросает на него долгий взгляд. «Хотя ты сам по себе, если собираешься броситься на пять тысяч миль к югу».

«Плохая идея?»

«Ужасная».

Ханнес с сожалением вздыхает. «Такие дети, как ты, не знают развлечений».

«Мне никогда не предлагали музыкальную карьеру», - отвечает полковник. Он разбирает свое огнестрельное оружие, сначала вынимая магазин, а затем дважды проверяя патронник. «Я предполагаю то же самое для большинства из нас здесь».

"Ага." Ханнес смотрит на него неразборчивыми глазами. Они даже темнее при свечах. «Ян Жун, ты слишком молод».

Другой мужчина приподнимает бровь, снимая булавку и откладывая ее в сторону, чтобы снять затворную раму. «Ты курил что-то странное?»

Ханнес полностью игнорирует его комментарий и протягивает руки. "...Жалко. Всего двадцать семь, и они уже включены в твой титул. Ты не испытал лучшего в жизни. Например, мое детство было лучшим из возможных. Ты когда-нибудь видел страну, когда она была не такой уж испорченной? Когда не было куполов на месте домов, когда не разобрали небоскребы».

«У меня есть», - отвечает Ян Жун. «Я читал о них».

«Когда я был молод, не было никакой ответственности. Не было войны." Ханнес смотрит на него. «Не бояться за нашу жизнь каждую секунду каждого дня. Это было нормальное детство».

Ян Жун вздыхает. «Мы боремся за нормальное состояние».

«Мы не такие», - отрицает Ханнес. «Это новая норма».

Ян Жун занимается разборкой. Буферная пружина снимается с винтовки в последнюю очередь. Его опыт обращения с оружием действительно проявляется, когда он концентрируется. Он делал это бесчисленное количество раз. От разборки до очистки и обратно к сборке - каждый этап тщательный, но эффективный.

Лишь пять минут спустя последний щелчок журнала нарушил тишину.

"Ты подумал?" - внезапно спрашивает Ян Жун. «О возвращении в центральную часть города. Приближается срок твоей службы».

Ханнес начал курить сигарету. Его запах особенно силен, когда мало вентиляции. Одной рукой он подбрасывает зажигалку, чтобы отвлечься, теребя искровое колесо.

«Я вернусь», - наконец отвечает он. «Но мне ничего не осталось».

«Стань музыкантом или что-то в этом роде», - говорит ему Ян Жун. «Проводи концерты, зарабатывай деньги, а потом бездельничай, пока не умрешь от старости. Такой комфорт должен быть тебе полезен».

"Тогда что еще?"

Ян Жун вопросительно смотрит на него.

«Ты, я, Ю Сок, маленький ребенок Джэ и даже маленькая Ли. Мы все облажались». Ханнес предлагает ему сигарету. «Если мы не умрем от радиации или полевых травм, травма рано или поздно достанется нам».

Ян Жун отказывается от этого. Он не часто курит. «Я лучше умру от старости».

Ханнес смотрит на него, усмехается и протягивает кулак. «Что ж, мне действительно нравится быть живым. Я хочу кое-что сделать».

Ян Жун принимает его с собственной усмешкой. "Как что?"

«Как сон с каждым омегой в городе», - отвечает мужчина, ужасно шевеля бровями. «Мне нужно получать удовольствие, пока я еще могу».

«Даже генные банки не хотят иметь твою ДНК», - усмехается полковник. «Разве твой член уже не сморщенный, старик?»

"А ты?" Его сержант игриво подталкивает его в сторону. «Сдавай свою сперму время от времени. Знаешь, ты тоже сможешь получить на этом хорошие деньги.»

"Потеряйся."

«Тогда тебе следует найти партнера. Ты пожалеешь, что не получил удовольствия, пока жив, Жун Жун. Знаешь, такие люди, как мы, рано умирают. Эй, эй... - Ханнес притягивает его ближе, словно шепчет какую-то правительственную тайну. Он действительно не хочет бросать эту тему. «Между тобой и мной... Омegi совсем не в твоём вкусе, верно? Если ты случайно попадешь в одну из них, ты не сможешь нести ответственность за детей».

"Это не то." Ян Жун отшвыривает его, как будто он собирает грязь. «Я не могу иметь детей».

«... О, - Ханнес щелкает пальцами, увидев просветление, - ты бесплоден?»

"...Я не. Пошел ты на хуй ».

Примерно через десять минут Ли Цзяюнь открывает дверь и прерывает неприличный разговор. Она заранее вежливо постучала. Вся команда после нескольких лет совместной службы более или менее полагала, что не будет поблизости, когда их сержант и полковник находятся в одном общем помещении. Некоторые усвоили этот урок на собственном горьком опыте - например, Джэ вступил в неловкую беседу о птицах и пчелах, которая больше походила на то, как Ханнес очень объяснительно описывал свою первую кладку.

Все началось прилично, но только пошло вниз - буквально, от начальных вульгарных жестов рук до возможной демонстрации мужских гениталий. Точнее говоря, они сравнивали размеры, не такая уж необычная тема среди высокомерных альф, но также не та, в которую кто-то захочет вдаваться. Что еще хуже, краснолицый Джэ не встречался взглядом ни с одним из них в течение нескольких недель, а другие новобранцы, которых сегодня больше нет, на собственном опыте убедились, что это была за рабочая среда.

По правде говоря, разговоры о сексе и тому подобное очень обычны. Работа в поле год за годом неизбежно сказывается на физиологических потребностях. В то время как жители центральной части города наслаждаются несколькими видами развлечений, те, кто живет на улице, и особенно военные, практически не имеют доступа к тавернам, барам и общежитиям. За куполами редко можно увидеть даже живого человека .

«Полковник Ян, сержант Ханнес». Ли Цзяюнь входит в комнату. Запах мяса витает в воздухе и быстро охватывает маленькую комнату. «Мы подаем ужин».

Ханнес пускает слюни на умами и мгновенно вскакивает. «Мы уже несколько месяцев не ели свежего мяса. Какое, черт возьми, время быть живым! »

«Это карibu», - радостно говорит Ли Цзяюнь. «Ю Сок и Джэ успели убить одного раньше. Излучение не проникло в его внешний слой, поэтому мы смогли снять с него шкуру и вырезать куски мяса».

«Рискуя жизнью ради обеда, - льстит Ханнес, - поистине благородные люди».

Он уже вышел за дверь через секунду. Ян Жун тоже встает, забрасывая огнестрельное оружие за спину. «Я надеюсь, вы все приняли меры предосторожности во время процесса?»

Ли Цзяюнь горячо кивает. «Да, полковник! Были надеты перчатки, и мы уверены, что они не коснулись какой-либо части нашего тела».

"Хорошо. Несмотря на низкий индекс радиации, возможность передачи инфекции не является чем-то необычным», - говорит он. «В конце концов, были трагедии».

«Я сделаю все возможное для вашей безопасности, полковник Ян».

Ли Цзяюнь говорит, как лучшая ученица, как будто ее слова не записаны на магнитофон, и как будто она всегда зачитывает практическое руководство, чтобы обратиться к своему начальству. Вероятно, она все запомнила, когда впервые поступила на службу. Она очень хороший солдат, но Ян Жун никогда не бывает строгим в таких незначительных разговорах о статусе. Он носит звание полковника и, конечно, заслужил это звание и тоже очень заслуживает признания, но для него неважно, командир он или пехотинец. Ли Цзяюнь, конечно, знает, но это не мешает ей быть такой вежливой.

«Ты его проверяла?» Ян Жун поясняет секунду спустя: «Маленького заключенного».

«Он все еще спал, когда Джэ пошел проверить сегодня днем», - отвечает она.

«Он в спячке? Как долго он будет спать? "

"...Я не знаю?" Кажется, она искренне требует ответа. «Пациенты, страдающие сотрясением мозга, могут проявлять пост-симптомы, на восстановление которых уходит от нескольких недель до месяцев. Хотя его внешние травмы, похоже, проходят хорошо, он также показывает признаки приближающейся лихорадки. Он может отсутствовать еще несколько дней или даже неделю».

«Такой тонкий? К тому времени, как он выздоровеет, собранные нами организмы сгниют до неузнаваемости. Мы не можем ждать так долго». Ян Жун обдумывает свои следующие слова. «Как ты думаешь, мы можем перевезти его, пока он спит? Если он поднимет шум, мы можем заклеить ему рот и снова вырубить».

Рыжая кашляет и вместо ответа говорит: «Лечебные способности бет не следует сравнивать с таковыми у альф, особенно с вашими».

«Тем не менее, ему нужно есть. Я его разбужу.»

Ян Жун останавливается в дверях. Неизвестно, о чем он думает, но он серьезно думает, судя по тому, как его глаза обращены в ее сторону, глядя, но не совсем фокусируясь. «Сяо- Юнь, сколько тебе лет в этом году?»

Ли Цзяюнь отвечает немного смущенно. «Мне двадцать два года».

"Такая молодая." Ян Жун идет вразрез, а его подчиненный не успевает за ним, и она не понимает, к чему ведет разговор. «Ты из центральной части города?»

«Раньше я жила на границе».

"Как это было?"

«Это было...» - она находит правильное слово, - «нормально». Так же нормально, как и для любой беты».

«Образование, работа... качество жизни?»

"Средние. Возможностей не так много для человека с моим социальным статусом». Обычно они не болтают об этих вещах - своей жизни вне армии, своей жизни до встречи. Темы всегда ограничивались одной миссией, затем следующей. Говорят, конечно, о разном, но ничего личного. Ли Цзяюнь продолжает: «Образ жизни неплохой. Нас даже можно назвать удачливыми».

"Тебе везет?"

"Я. Многие беты вообще не получили доступа в города. Они были изгнаны два десятилетия назад. Даже сейчас, если они не соответствуют некоторым критериям - если они недостаточно умны, недостаточно квалифицированы или если их способности просто не нужны... Что ж, Нексус экономически изобретателен». Ли Цзяюнь не стесняется говорить об этом, хотя в ее позе есть некоторая напряженность. Она качает головой и говорит: «Думаю, Джэ знает о таких темах больше».

Ян Жун кивает. "Спасибо."

«Вы не из города, полковник Ян? Кто-то из вас, должно быть, вырос в... - Рыжая останавливается от любопытства и быстро машет руками. «А-а, я не хотел быть такой любопытной...»

Ян Жун все равно отвечает, похлопывая себя по груди. «Твой папа так долго был в поле, что почти забыл».

«Время от времени Ю Сок возвращал те популярные книги, которые ходят по городу». Ли Цзяюнь ласкает, когда пытается помочь. Ян Жун связывает ее с маленьким хомяком с ярко-красными волосами и большими круглыми глазами. «У Джека могло быть несколько копий. Сержант Ханнес хранит и другие типы журналов - если хотите, я могу попросить их?

Ян Жун взъерошивает ее волосы. "Хорошо."

«Мне попросить порнографические журналы или книги?» - с любопытством спрашивает она.

"Оба?"

<http://bllate.org/book/14985/1325824>